

ИРКУТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ еже-
недѣльно.

Цѣна год. изд. въ
Ирк. 5 р., съ пер.
по поч. 5 р. 50 к.

Подписка при-
нимается искл.
въ Редак. Ирк.
Епарх. Вѣд. при
Духов. Семинар.

марта 20

1882 г.

12

СОДЕРЖАНІЕ: Распоряженія епархіальнаго начальства.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА

Воспитаникъ окончившій курсъ въ иркутской духов-
ной семинаріи Александръ Поповъ 6 мин. февраля Его Вы-
сокопреосвященствомъ рукоположенъ во діакона, а 7 ч. во
священника и пазначенъ на вакансію втораго священника къ
пниженлимской Покровской церкви, Киренскаго округа.

Послушникъ иркутскаго Вознесенскаго монастыря Ни-
колай Титовъ, согласно его прошенію, Его Высокопреосвя-
щенствомъ 19 мин. февраля определенъ на вакансію псалом-
щика въ Харбатовскій миссіонерскій станъ.

Согласно общественному приговору прихожанъ заларин-
ской Николаевской церкви, иркутскимъ епархіальнымъ на-
чальствомъ утверженъ въ должности церковнаго старосты въ

сей церкви крестьянинъ зарларинскаго участка Серафимъ Рафаиловъ Выборовъ съ 1882 по 1885 годъ, на мѣсто крестьянина Павла Черныхъ, уволеннаго по домашнимъ обстоятельствамъ.

И. д. псаломщика нижеилмиской Покровской церкви Алексѣй Павловъ Кузнецовъ Его Высокопреосвященствомъ 26 февраля рукоположенъ во діакона, съ оставленіемъ на прежнемъ мѣстѣ.

И. д. псаломщика троицкосавскаго Троицкаго собора, діаконъ Іоаннъ Ерженинъ преосвященнѣйшимъ Мелетіемъ епископомъ селенгинскимъ, викаріемъ Иркутскимъ, 2 февраля с. г. посвященъ во священника, съ назначеніемъ настоятелемъ и миссіонеромъ усть-киранской Спасопреображенской церкви.

Заштатный діаконъ Софроній Писаревъ преосвященнѣйшимъ Мелетіемъ епископомъ селенгинскимъ, 10 января, посвященъ во священника, съ опредѣленіемъ его помощникомъ сыну, цаганъ-усунскому миссіонеру, священнику Дмитрію Писареву, съ тѣмъ, чтобы онъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ совершалъ Богослуженіе въ бодайской Георгіевской церкви, приписной къ цаганъ-усунской Николаевской церкви.

Діаконъ урлукской Казанской церкви Николай Оеодоровъ Протопоповъ его преосвященствомъ Мелетіемъ епископомъ селенгинскимъ рукоположенъ 29 ч. января во священника къ нарынской Ильинской церкви.

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ

ИРКУТСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВѢДОМОСТЯМЪ.

МАРТА 20 № 12. 1882 г.

С О Д Е Р Ж А Н І Е: Записки миссіонера Шимковскаго стана.

Записки миссіонера Шимковскаго стана за
1879 годъ.

(Продолженіе).

Четырехлѣтняя моя жизнь среди инородцевъ идинскаго вѣдомства не даромъ прошла для меня. Пользуясь расположеніемъ инородцевъ, я легко могъ наблюдать ихъ бытъ. Любя и вѣря въ меня, они не маскировались предо мной, и я могъ безпрепятственно во всей наготѣ изучать ихъ характеръ, нравы и обычаи. Интересы инородцевъ и злоба ихъ дня были мнѣ извѣстны, такъ что у меня была ясно начертанная программа для дѣятельности среди ихъ. Все это, какъ я думалъ, должно было облегчить трудности моего служенія среди инородцевъ тункинскаго края, такихъ же бурятъ, какъ и идинцы; стоить только приложить свои знанія къ обращенію со здѣшними инородцами. Такъ я думалъ, но не такъ вышло. Бурятъ тункинецъ не имѣетъ ничего общаго съ балаганцемъ. Балаганцы, изолированные отъ монгольскаго вліянія, не имѣя съ Монголіею ничего общаго, зная лишь по наслышкѣ, что есть какая-то Монголія, напротивъ будучи обружены со всѣхъ сторонъ пустымъ русскимъ населеніемъ, невольно под-

чинились русскому влиянію, усвоивъ мало по малу бытъ и языкъ русскій. Какъ извѣстно, балаганцевъ кочевыми ни въ какомъ случаѣ назвать нельзя. Если они на лѣто и переѣзжаютъ въ юрты, хотя далеко не всѣ, то это отчасти обусловливается привычкой, но больше всего хозяйственными соображеніями. На берегахъ рѣкъ лучше для скота, да и скотъ не трогаетъ пашень, которыя расположены въ такъ называемыхъ зимникахъ, т. е. гдѣ выстроены у нихъ дома, подчасъ далеко лучше, чѣмъ у русскихъ. Земледѣліе весьма развито, огородничество дѣлаетъ быстрые успѣхи. Есть мѣстности, гдѣ, въ ущербъ даже хлѣбопашеству, занимаются разведеніемъ огурцевъ и арбузовъ,—это Лабадайскій улусъ усть-осинскаго участка. Звѣроловствомъ не занимаются вовсе, такъ какъ считаютъ болѣе выгоднымъ убрать во время хлѣбъ, обмолотить и приготовить его къ продажѣ, чѣмъ цѣлый день шляться по лѣсу и убить одну бѣлку, которая стоитъ не болѣе 15 коп. Домашній бытъ также остался не безъ русскаго влиянія. Въ избѣ балаганскаго бурята можно найти все русское, и если бы не костюмъ и типъ лица, то можно было бы забыть, что сидишь у бурята. Впрочемъ свой національный костюмъ буряты носятъ только дома, отправляясь же куда нибудь, они надѣваютъ русскій, а богатые и общеевропейскій, въ видѣ сюртуковъ и пиджаковъ всевозможной формы. Въ гражданскомъ отношеніи они совершенно слились съ русскими. Право свое, основанное на обычаяхъ, они рѣшительно забыли; такъ что даннымъ имъ правомъ судиться по своимъ обычаямъ они добровольно не пользуются, а судятся обыкновеннымъ волостнымъ судомъ, исключая тяжбъ по взысканію калыма, и то потому, что законъ нашъ не покровительствуетъ имъ въ этомъ дѣлѣ. Что дѣйствительно инородцы не пользуются своимъ народнымъ правомъ, это видно изъ того, что когда въ 1876 году была дума о запросѣ отъ главнаго ул-

равленія, насколько сохранилось обычное право у инородцевъ и въ какой мѣрѣ в случаяхъ оно примѣняется въ тяжбныхъ дѣлахъ, и наконецъ насколько оно необходимо, — индская дума, отъ лица обществъ, какъ это мнѣ хорошо извѣстно, отвѣтила, что инородцы свое обычное право забыли, къ судебной практикѣ его не примѣняютъ и рѣшительно не нуждаются въ немъ. Если же у бурятъ и есть ожесточенные споры о тайшинствѣ, въ которыхъ принимаютъ участіе все народонаселеніе извѣстнаго общества: то это не значитъ, чтобы они въ лицѣ того или другаго тайши добивались возстановленія своихъ правъ, поддерживали честь рода или дорожили обломками своего самоуправленія. Нѣтъ, это есть просто глухой инстинктивный протестъ противъ тѣхъ злоупотребленій, которыя споконъ вѣка укоренились въ системѣ управленія ими, — системѣ, основанной на повальномъ обирательствѣ. Это есть бессознательное желаніе выбиться изъ той грязи, обезличиванія, въ какомъ держало ихъ прежнее тайшинство. Это есть зародышъ самосознанія, саморазвитія, стремленіе къ освобожденію своей личности отъ ненужнаго, но всегда вреднаго опекунства вѣчныхъ старостъ, по смыслу Екатерининскаго указа, — отцевъ рода; это протестъ противъ гнета, желаніе свободы и уваженія къ своей личности. Однимъ словомъ: это признакъ развитія варода, хотя, конечно, прискорбно, что признакъ этотъ проявился въ такой бурной формѣ. Если и выдаются какія-нибудь личности, въ родѣ искателей тайшинства, и народъ стоитъ за нихъ, что называется, горой, жертвуя подъ часъ состояніемъ своимъ: то это вовсе не потому, чтобы онъ желалъ видѣть на высотѣ тайшинства именно эту личность, а не другую и видѣлъ бы въ ней все свое спасеніе, а просто потому, что надо же сконцентрироваться, сосредоточиться на комъ-нибудь, избрать вожака, который бы былъ представителемъ борьбы противъ ста-

раго порядка. Если этотъ представитель и бываетъ плутомъ, что же дѣлать? въ этомъ я не виню общества; это вопросъ другой! Но оштрафованъ губить наше чиновничество народныя силы, губить, смотря сквозь пальцы на ходъ дѣла! Чуждо оно интересамъ народа, не хочетъ выйхнуть въ справедливое требованіе инородцевъ; не хочетъ понять и не только что уяснить себѣ, но даже слышать о причинахъ, вызвавшихъ народное волненіе. Напротивъ старается подавить репрессивными мѣрами, слѣпо поддерживая старые порядки, вмѣсто того чтобы ходатайствовать о повсюдной отмѣнѣ ихъ. Чиновничество не хочетъ знать того, что оно этимъ самымъ разжигаетъ народныя страсти, способствуетъ развитію худыхъ сторонъ, позволяетъ поддошкамъ инородческаго общества дѣлаться представителями его. Живя между инородцами, мы глубоко убѣдились, что пока не будетъ введено у нихъ русское управленіе съ раздѣленіемъ на волости и опредѣленіемъ во главѣ ихъ избираемыхъ не болѣе какъ на три года волостныхъ головъ и сельскихъ или удушныхъ старшинъ, дотолѣ ни угнетеніе народа не прекратится, ни волненія и общее недовольство между инородцами не кончатся.

Я, кажется, уклонился отъ предмета. Но это потому, что душа моя изныла отъ вопиющихъ безобразій чиновничества: неправды, происковъ, потворства богатымъ, взяточничества, гоненій, иногда жестокихъ, раззореній, перѣдко гибельныхъ. Но возвратимся къ прерванному порядку нашихъ соображеній. Такъ съ подчиненіемъ русскому влиянію въ бытовомъ отношеніи, инородцы не могли уклониться и отъ религіознаго влиянія русскаго православія. Дѣйствительно, рядомъ съ усвоеніемъ быта и гражданственности русской они не устояли противъ сильнаго напора христіанскихъ идей и безъ всякой борьбы, хотя и медленно, усваиваютъ ихъ. Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ балаганцы

перестали называть принявшихъ св. с. крещение „собаками“ и чуждаться ихъ. Напротивъ, хоть въ общей массѣ не крещенные и не радуются крещенію члена своей семьи, но все-таки говорятъ: гейда, т. е. хорошо ты сдѣлалъ. Въ мое время были примѣры, что новокрещенныхъ въ церкви язычники привѣтствовали поцѣлуями. Не до могу забыть одного случая. Когда Высокопреосвященнѣйшій Веліаминъ проѣзжалъ въ Молькинскій станъ, одинъ старикъ буряты, увидя его, постарался скорѣе поспѣшить къ крещенію; а такъ какъ это было въ полѣ и подвѣ рукой, т. е. случилось коня, то конь сѣлъ на быка и, погоняя его изо всей мочи, старался догнать экипажъ владыки. Это было въ Зверстахъ отъ стана. Благодаря любознательности и своей, знанію прусскаго языка и развитію грамотности, буряты самі начали знакомиться съ христіанствомъ, бывать въ церквахъ и усваивать себѣ тѣ или другіе христіанскіе обряды. Бывали въ старину примѣры, что прекрещенные инородцы дѣлывъ улусомъ просили священника благословлять ихъ поля и подымали иконы. Теперь же въ извѣстные праздники, особенно ятимые ими, напр. Николинъ день, Успеніе, Пасху и пр. ихъ бываетъ полна церковь. На все это, конечно, сильно вліяло то, что они утеряти свой религіозный культъ вслѣдствіе неимѣнія письменности, а безнравственные, дѣпьяные шаманы не въ силахъ были поддержать его и противопоставить что-нибудь вліянію животворной христіанской религіи. Если и существуютъ у инородцевъ теперь шаманскіе обряды, то это ни больше ни меньше какъ жалкіе остатки чего-то прошлаго, почти забытаго ими; такъ что наблюдатель не можетъ себѣ составить хоть какого-нибудь представленія о шаманствѣ, наблюдая ихъ обряды. Шаманство въ Балаганскѣ испускаетъ послѣдній свой вздохъ даже безъ протеста. Христіанство мало по малу вѣдряется и становится потребностію жизни, не смотря даже на извѣстный индифферентизмъ русскаго сибиряка къ религіи.

При такомъ положеніи дѣла задача миссіонера легка. Ему стоитъ только попятить и усвоить тѣхъ, пробивающихся желаніе и породцевъ къ саморазвитію, нравственное недовольство обрядами прежней религіи, объяснить желаніе избавиться отъ чертовщины, на которой основано шаманство, объяснить смутно сознаваемую ими обветшалость стараго порядка вещей и вести ихъ по пути развитія въ строго религіозномъ духѣ, воспитывая ихъ нравственно, уча словомъ и примѣромъ. Это такъ легко достижимо. Стоитъ только приобрести любовь, а съ нею и довѣріе и породцевъ, и явленіе на нихъ учено. Напрасно иные называютъ бурятъ тварью, безчувственной скотиной. Нѣтъ, натура и породцевъ еще не такъ испорчена, да пожалуй чище чѣмъ у русскаго сибиряка. Люби ихъ, дѣлай имъ добро, не будь чуждымъ имъ, бывай у нихъ запросто, не какъ оффиціальное лицо, радуйся ихъ радости, горюй съ ними, вникай въ ихъ нужды, просвѣщай ихъ, учи, рассказывай, разъясняй, и сердца ихъ будутъ открыты, какъ добрая нива, для всѣянія слова. Божій, если ты шлюбе обильно-безкорыстный свѣтель и любви свое призваніе. Религіозный индифферентизмъ русскихъ не помѣшаетъ, потому что сами буряты съ презрѣніемъ смотрятъ на нашихъ нравственныхъ уродовъ и удивляются, какъ Богъ терпитъ ихъ. Я увѣренъ, что при разумномъ введеніи дѣла, при умѣнномъ направленіи стремленія общества окъ лучшему, не пройдутъ и десяти лѣтъ, какъ балаганцы принявъ православіе, преуспеютъ въ познаніи истинъ христіанскихъ, къ стыду русскихъ.

Совсѣмъ другую картину представляетъ тункинское вѣдомство, и въ особенности ближайшая къ Монголіи сторона его, на которой расположены Хабаровскій, Шимковскій и Ононскій станы. Чѣмъ ближе приходится знакомиться съ жизнью здѣшнихъ бурятъ, и вникать въ ихъ религіозныя и всякія другія дѣла: тѣмъ болѣе убѣждаешься, что приходится

вести дѣло чуть ли не съ современниками Чингисъ-Хана! Топографическое положеніе Шимковскаго района, лишающее возможности сообщенія съ Иркутскомъ, выгода мѣновой торговли съ Монголіей, въ силу которой тункинцы, такъ сказать, наводняютъ ее, тяготѣніе къ Монголіи, какъ къ своему центру, свѣжесть преданій о бывшемъ нѣкогда единствѣ, нескончаемая пѣсня ламъ о блаженствѣ нирваны, даванъ, наконецъ бухэ ноишъ (господинъ порозъ), съ высоты своей горы запрещающей бурятамъ выходить за предѣлы Тунки, постоянное шныряніе заграничныхъ ламъ, какъ хубилгановъ или святыхъ, — держать въ страшныхъ тискахъ духъ тункинца и заставляють его всѣ свои силы какъ умственные, такъ и нравственно-религіозныя почерпать изъ мутнаго монгольскаго источника. А извѣстно, что Монголія, по своему внутреннему развитію, давно стоить на точкѣ замерзанія, и чѣмъ ближе къ нашей границѣ, тѣмъ глуше и дичѣе. Жители границы какъ со стороны нашей, такъ равно и монгольской есть еще непочатый уголь застоя въ умственномъ отношеніи; и обитатели ея уже, кажется, въ этой жизни достигли умственной сонливой, неподвижной нирваны, убаюканные убѣжденіями ламъ, что они уже достигли апогея своего развитія. Подъ такимъ-то вліяніемъ находятся наши тункинцы, — конечно, не въ одинаковой степени, — окинцы больше чѣмъ туранцы, туранцы больше чѣмъ шимковцы.

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь зѣбнущихъ номадовъ, а равно и ихъ прототиповъ — монголовъ, съ перваго раза кажется такимъ омутомъ, такой помойной ямой, что изъ нея кромѣ плесени, тины и грязи ничего не вытащишь. Подобное впечатлѣніе невольно выносите при взглядѣ на ихъ грязную домашнюю жизнь, апатично невозмутимыя лица, дикую пугливость; да если къ тому прибавить отчужденность отъ всего истинно человѣческаго, кажущуюся замкнутость въ себѣ са-

момъ и апатично-пассивное подчиненіе всему, и въ, если не съ отвращеніемъ, то съ крайнимъ прискорбіемъ и тяжело подавляющимъ впечатлѣніемъ выйдете изъ порты, вынесете то убѣжденіе, что обитатели порты, пожалуй справедливо заслуживаютъ названія твари, какъ величаетъ ихъ русское простонародье.

Сложилось убѣжденіе у мѣстныхъ дѣателей и жителей русскихъ, что нуженъ хорошій полицейскій багоръ, чтобы вытащить изъ грязи и вородца, нужны палки и предписанія, и кутузки, чтобы заставить этотъ народъ умыться внѣшне и по обчиститься умственно, сдѣлать изъ него человѣка и вывести изъ тьмы язычества. Такой взглядъ на бурята здѣсь всеобщій и обратился въ традицію. Остаповившись на этомъ взглядѣ, какъ на непоколебимой истинѣ, гнушаясь жизнью этого народа, не хотятъ дѣйствовать на него ласково, любовно, разумнымъ словомъ. Напротивъ исходомъ своей дѣятельности ставятъ ту глупо-фальшивую точку зрѣнія, что черезъ грязно вонючую шкуру бурята не можетъ проникнуть никакой лучъ разума и истины. Есть феномены, которые убѣдительно доказывали мнѣ, что у бурята „звѣрная брюшина“. Все это, оставаясь вѣрнымъ по внѣшности, совершенно убѣждаетъ того, кто не беретъ на себя труда заглянуть поглубже въ бытъ, во внутрь быта тункинца, въ его душу. Всмотрѣвшись же по пристальнѣе въ жизнь бурята, можно открыть и много хорошаго и найти ту исходную точку, стоя на которой миссіонеръ можетъ отторгнуть и вородца отъ вреднаго вліянія монгольскаго и возбудить въ немъ искру познанія, желаніе встряхнуть себя одуряющее нашептываніе ламъ и зажечь новою жизнью. Вникнемъ же въ жизнь тункинца и разберемъ его семейный домашній, гражданскій, умственный, религіозный и нравственный бытъ и, резюмируя все это, опредѣлимъ исходную точку для дѣятельности миссіонера.

Неприглядная обстановка в тункинцах в домашнем быту. Убогий порточки, расколоченные кое-как, чуть не из жердей, низкие, закопченные, темные, мало представляют удобства для жизни. А если къ этому прибавить, что обитатели ея не одни только люди, но и всевозможных родовъ и видовъ животныя, собаки, телята, овцы и пр. то и совсѣмъ выйдетъ худо и непонятно, какъ человекъ можетъ раздѣлять свое жилище съ такимъ обществомъ, которое удушающе, нестерпимо мерзко портитъ воздухъ въ юртѣ, мало того, — расплождаетъ множество всякаго рода паразитовъ, оставляя за человекомъ право плодить только вшей, которыхъ онъ за беспокойство, причиняемое ему, не уничтожаетъ, а преспокойно ѣсть. Само собой разумѣется, что такого рода обитатели вовсе не беспокоятся о чистотѣ, и грязь дѣлается какъ бы природной стихіей бурята. Если нарисовать бурята на его портретѣ и не изобразить грязи, этого неремѣннѣйшаго его атрибута, то картина будетъ крайне невѣрна. Благодаря такой грязной до стошноты обстановкѣ, бурята и неприхотливъ ни въ чемъ, чувство же брезгливости ему вовсе не знакомо. Одѣвается бурята крайне неприхотливо. Верхній дышло его бываетъ приличенъ иногда, но только сверху. Но Боже васъ сохрани надѣть его, — одежда ваша покроется паразитами, какъ какими нибудь блестящими. рубаху бурята одѣваетъ въ рѣдкіе торжественные случаи; но изъ какой она матеріи сшита, вы ни за что не узнаете, — до того она замуслената. Но и тѣмъ словъ описать его умудонъ, т. е. шапы. Они шожаные, мѣхомъ внизъ, шьются, кажется, разъ на всю жизнь. Представьте же себѣ, сколько тамъ напарено всякой дряни! Дальше, отъ бурята никогда немоетъ, развѣ печально упадетъ въ рѣку, тогда онопошется. Къ счастью своему, бурята хоть голову брѣть, оставляя одну косу на макушкѣ, и тѣмъ застраховываетъ ее отъ квартированія паразитовъ.

Въ пищу буряты крайнѣ неразборчивы. Котель, въ которомъ они варить себѣ чай, — главную пищу, никогда не моется. Но это еще туда сюда, такъ какъ котель, оставаясь часто безъ воды на огнѣ, до красна накаляется, вследствие чего грязь въ немъ выгораетъ. Но вотъ бѣда, этихъ такъ называемыхъ саба (посуда), въ которыя они выливаютъ вскипяченный чай. Это нѣчто въ родѣ нашего деревяннаго ведра, только не составлено изъ отдѣльныхъ частей, а просто выдолбленное изъ дерева, или же сдѣланное изъ березовой коры. Кто не видѣлъ этой посуды, тотъ ни коимъ образомъ не можетъ представить себѣ всей ея мерзости. Наиа лахайнъ, въ которую выливаютъ всю кухню дряннъ и поятъ изъ нея свиней, и чище, потому что она хоть поры до времени освобождается отъ помоевъ и успѣетъ высохнуть. Эти же саба никогда не моются, впрочемъ, что буряты мыть ихъ считаютъ за грѣхъ, такъ что въ нихъ вонючей грязи по крайней мѣрѣ на палецъ толщины; а мало того, въ образовавшемся на днѣ осадкѣ чая, (который они варятъ съ мукой), вследствие его разложенія, заводятся черви. И вотъ хлѣбосольная, заботливо-услужливая хозяйка, наполнивъ такую посудину только что сварившимся чаемъ, ставитъ его передъ вами, и тутъ же на глазахъ вашихъ тщательно облизавъ собственнымъ языкомъ, вѣроятно для вѣщней чистоты, китайскую чашку, подастъ вамъ ее и покорнѣйше проситъ покушать чайку. Послѣ чаепитія слѣдуетъ угощеніе мясомъ. Тутъ опять подобная же картина. При васъ же вносятся въ портъ барана, кладутъ его на спину, противъ сердца разрѣзываютъ дыру, и руками вырываютъ сердце! Но это относится къ вашимъ нервамъ; а вотъ для глазъ и вкуса: съ рубцаго такимъ образомъ барана обдираютъ шкуру, развѣшиваютъ въ портѣ, а свѣжее, горячее мясо кладутъ тутъ же наполь, конечно преогрязнѣйшій, устланнй всевозможнаго рода изверженіями, и потрошатъ его;

вследствие чего то мясо теряетъ свой естественный цвѣтъ и покрывается слоемъ грязи. Хозяйка же, взявъ ложки, пальцами рукъ своихъ освобождаетъ ихъ отъ помета и не моя и не полоща, наливаетъ кровью. Затѣмъ вся эта грязная масса, т.е. мясо и кишки, нафарширована въ грязью и пометомъ, кладется въ котель, щѣплыми кусками и кипитъ для будущаго употребленія. Но только что успѣты этотъ мясо раз дватри закипятъ, какъ его полусырымъ начинаютъ уже крючьями вытаскивать и класть въ типшинъ (исчевошки), конечно, по обычаю никогда не вставлюющагося. А такъ какъ по этикету гостямъ не прилично подавать щѣплыми кусками, то буряты прислужники тутъ же своими руками, оу которыхъ бѣлѣются одни только ногти, берутъ это мясо и рѣжутъ на маленькіе кусочки, кладутъ на табуки (въ родѣ тарелокъ) и ставятъ передъ вами. Остальное ужъ вы сами должны заканчивать, т.е. брать руками, такъ какъ вилокъ не вполается, и класть въ ротъ безъ хлѣба и соли. Не правда ли, гастрономически приготовлено-вкусно? Но это еще не все. Васъ же желаютъ еще поподчивать шилиомъ (щами). Въ оставшуюся воду въ котлѣ, по вынутіи изъ него мяса, сыплотъ муки и кипятятъ. Получается что то въ родѣ жидкаго клейстера. Хозяйка, уважая вашу остоплотность, облизываетъ чашку и велитъ налить въ нихъ этой бурды, и васъ, значитъ, покорнѣйше просятъ покушать супу. Но позвольте, это еще не все. Васъ хотятъ полакомить десертомъ, хотятъ предложить зуухэ. Для этого въ тотъ же котель, въ которомъ варилося мясо, выскребиши предварительно изъ него прутьями, остатку кладутъ сметану или масло, расплавляютъ его, и когда оно достаточно подогреется, сыплотъ въ него муку и опять кипятятъ. Въ итогѣ получается нѣчто въ родѣ нашей хохлацкой лепши, довольно вкусное, если только вы имѣете чѣмъ посолить это кушанье. Это блюдо действительно лакомство,

такъ какъ оно сравнительно чисто приготовлено, и вы его съ аппетитомъ покусаете. Послѣ этого слѣдуетъ неизбежное чаепитіе, и если это вечеръ, то продолжающееся часа два-три, за которымъ вы идете задушевная бесѣда: о злобѣ дня, скотоводствѣ, звѣриныхъ промыслахъ, разсказываются сказки, вспоминается старина, поются пѣсни; если собраніе порядочное, то сыграютъ те наго скрипкѣ *) или сордо (родъ нашей флейты), говорятъ табрэ—родъ нашихъ загадокъ, читаютъ что нибудь изъ религіозныхъ книгъ, разсказываютъ подвиги бакшеевъ. Нужно замѣтить, что вся эта компанія, если это вечеръ, сидитъ голая, и безъ шубъ въ однихъ только брюкахъ. Въ концѣ всего этого, когда вдоволь наговорятся, предлагають спать. Если вамъ раньше приходилось уже ночевать въ юртѣ, то тѣло ваше заранѣе начинаетъ зудиться и чесаться. Но положимъ, что вы въ первый разъ ночуете. На полу, — такъ какъ у нихъ ни кроватей, ничего подобнаго нѣтъ (у хозяевъ есть только орбнъ—въ переводѣ царство, т. е. супружеская постель—это маленькое возвышеніе отъ полу), — да, такъ на полу и стелютъ вамъ войлокъ, въ головы кладутъ шубу и дэрэ—нѣчто въ родѣ подушки, набитое шерстью и жесткое, какъ камень. Прикрытыя кладутъ гунчуль (одѣяло). Приготовивши постель, начинаютъ молиться Богу. Молитва коротка, и вотъ одна изъ нихъ на тибетскомъ языкѣ: „Ушту дари, адарю те даръ, одури дури суугха“. Переводъ ея не знаю. Прочитавъ эту молитву, потихоньку дуютъ по направленію къ груди. По молившись такъ, ложатся всею рядомъ вокругъ огня, и непременно къ нему животомъ. Это значитъ по-бурятски гусенъ дуласа хэрыктэ—попарить брюхо. Гусенъ-

*) Скрипка на внѣшней своей формѣ такая же, какъ и у насъ, только грифъ гораздо длиннѣе и играютъ на ней, какъ на виолончели, держа грифомъ къ верху. Но Воже! что за мотивъ, что за мелодія, что за звуки! Въ нихъ слишкомъ рѣзко-щемяще выливается душа бурята, забитая, подавленная, угнетенная; робко не смѣло порывается она на просторъ и сейчасъ же затихаетъ, какъ бы боясь, чтобы дама не подслушала ея рокота. Иногда впрочемъ музыка напоминаетъ вой голоднаго волка.

то этотъ, т. е. брюхо, инвалитое и наемъ, какъ барабанъ, одѣ-
ломъ не прикрываютъ. Вы тоже, конечно, слѣдуете примѣ-
ру всѣхъ и, помолясь Богу, ложитесь спать. Но едвали
прійдется уснуть. Паразиты, за то что хозяинъ угостилъ васъ,
считаютъ и себя въ правѣ попользоваться маленько и вашей
кровью *) и начинаютъ нестерпимо васъ мучить. Порода ихъ
какая то особенная; — огромные и преогромные и злощіе. Ужъ
я имъ не привыкъ, и ажъ равнодушно безъ отвращенія не могу
смотреть на нихъ. Но такъ или иначе вы провели ночь и
измученный, избѣденный встаете и, конечно, очень рады при-
вычкѣ бурять вставать съ зарей **). Но русскому обычаю на-
чинаете рукой продирать себѣ, какъ говорится, глаза. Но
что за чудо? Рука ваша оказывается вся въ сажѣ! Водите
другой рукой по лицу, — то же самое! Что за явление, откуда
взялась сажка! Не находя отвѣта, вы тѣмъ не менѣе все-таки
убѣждаетесь, что лицо ваше выпачкано (сажей). Но какъ? Не
недоумѣвайте. Очень просто. Подушка-то, на которой лежало
ваше лицо, вся прокопчена; смотрите на нее и увидите на
ней чуть ли не на вершокъ копоты, перемѣшанной съ жиромъ.
И это не диво, потому что подушка эта валяется на полу, а
подъ случай попадаетъ и въ почевки, гдѣ лежало мясо, ко-
торое вы вчера ѣли. Въ избѣжаніе этого неудобства, я всегда
сплю на своемъ потникѣ, взятомъ изъ подъ сѣдла, а сѣдло
кладу въ головы вмѣсто подушки. Предположимъ себѣ, что
все это было тѣломъ, слѣдовательно вы были лишены и удо-
вольствія быть въ обществѣ, настоящихъ домашнихъ живот-

*у) Чтобы не давать имъ лакомиться моею кровью, я всегда возю съ собою персидскій порошокъ и Semenіs sabadille.

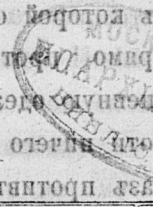
***) Когда я въ прошломъ году въ первый разъ ѣхалъ на Оку, то имѣлъ удовольствіе испытать на себѣ всю злость вшей. По неопытности своей, я не имѣлъ съ собой своей постели, а спалъ на хозяйской и такъ до Оки. Но за то у меня на тѣлѣ не было и патышка свободнаго отъ укуса паразитамъ, а въ бѣлѣ ихъ завелось мириады. Вообразите мое мученье: закутанный въ шубу, слѣдовательно лишенный возможности пошевелиться, а тутъ нестерпимо кусаютъ, и вотъ радъ радешенекъ, когда встрѣтите колода, чтобы по образу свиньи почесаться объ нее. Вшей насилу я вывелъ. Но послѣ разскажу.

ныхъ. Но войдемъ въ зимнюю избушку тункинца, а потомъ и окинца. Опишемъ въщнюю форму избушки. Зимнее жилище тункинца въ строгомъ смыслѣ избушкой нельзя назвать. Это какая-то злая пародія на нее. Нѣчто сколоченное кое-какъ изъ бревенъ, въ видѣ амбарушки, съ отверстіями, вмѣсто оконъ, затянутыми пузырями, промасляннымъ мѣткалемъ, снѣгой слюдой, и только рѣдко, рѣдко, тамъ сямъ приходится увидѣть обломки стекла. Подъ дымъ же, идущему изъ трубы, вы догадываетесь, что это должно быть жилище или, скорѣй, логовище человѣка. Войдемъ же въ него. Но берегите свой затылокъ, потому что при входѣ въ это логовище васъ обдастъ такимъ амбре, что вы невольно подадитесь назадъ и разшибете себѣ затылокъ, такъ какъ хозяинъ при постройкѣ жилища считалъ напрасной стратой времени сдѣлать большую дверь, такъ что человѣку средняго роста нужно сильно наклоняться, чтобы сохранить свой лобъ при входѣ въ избу. Но вы прошли благополучно. Какъ любознательный человѣкъ, вы желаете удовлетворить своей любознательности, осмотрѣться, куда вы вошли. Но оставьте трудъ, не напрягайте своего зрѣнія. Дайте глазу попривыкнуть, — вѣдь пузыри и мѣткаль много свѣту дать не могутъ. Но куда вашу глазъ не осмотрится, не рѣшайтесь идти далѣе отъ двери, а то вы непременно споткнетесь на овцу или теленка, и если не разобьете себѣ лобъ, то въ крайнемъ случаѣ испугаете животное и сами струхнете, а то можете и изкалѣчить овцу. Имѣйте при этомъ въ виду, что это будетъ счастье для васъ, если вы попадете на овцу, а то можете обеспокоить и собаку, которая не любитъ безнаказанно пропускать обиды и не смотритъ на то, что вы гость прощенный хозяиномъ, безъ церемоній хватить васъ за ногу. Но вы избегали опасности и глазъ вашъ осмотрѣлся, хотите наблюдать; но вотъ бѣда, у васъ духъ захватываетъ и, кажется, позываетъ на рвоту. Терца

те, терпите; вѣдь не одни люди любятъ теплоту, въ ней нуждаются и маленькія животныя, а бурята, любя ихъ и питаясь ими, держатъ ихъ въ теплѣ, они же не заботятся о чистотѣ воздуха. Поэтому въ избѣ бурята страшная вонь и густота воздуха, хоть, по-русски, топоръ вѣшай. Надо замѣтить, что избушки эти не ковопатыя, а только щели ихъ кое-какъ затыкаются мхомъ, значить вентиляція всеобщая, и это не проносить. Кромѣ животнаго аромата тутъ есть еще другой, кислородный и до того (рѣзкій), что не заглушается животнымъ, это вонь арцы и разлагающагося молока. Но такъ какъ человекъ ко всему привыкаетъ, то и вы обтерпѣлись, обнюхались. Идете дальше, здороваетесь съ хозяевами и ищите мѣста, гдѣ бы присѣсть. Не трудитесь, ни стула, ни скамейки, ни лавочки вы не найдете, а извольте прямо, по-азіатскому обычаю, безъ церемоніи садиться на полъ, для этой надобности вамъ постелить деро, что-то въ родѣ нашего коврика, сшитое изъ лапокъ овецъ или козюль. Впрочемъ, если вы русский и почетный гость, отъ васъ притащутъ деревянный обрубокъ или ящикъ, положить на него деро и усадятъ васъ. Усѣвшись, вы желаете осмотрѣться, куда попали. Не думайте увидѣть что нибудь особенное. Прямо предъ вами подобіе печи, сбитое изъ глины, въ ней увидите котель, или кострулю, а около нея туреукъ съ арцей, ступку деревянную, въ которой они толкутъ пережаренную рожь, увидите далѣе, прямо противъ печки, въ безпорядкѣ разбросанную повседневную одежду. На стѣны хоть и не смотрите, кромѣ копоти ничего не увидите. Но вотъ въ переднемъ углу, какъ разъ противъ входа, вы примѣчаете слабое мерцаніе огонька. Это на бурхани ширѣ (божемъ столѣ) горитъ священный огонекъ. Всматриваетесь и видите съ десятокъ симметрически разставленныхъ бурхановъ различной величины и формы: металлическихъ, глиняныхъ, нарисованныхъ на бумагѣ. Пе-

редъ бурханами разставлены въ порядкѣ металлическія чашечки, въ родѣ нашихъ пепельницъ, съ водой, хлѣбомъ, мясомъ и масломъ и одна съ фитилемъ, авоткнутымъ въ обыкновенное масло; она то въ честь пріѣзжаго почетнаго гостя и зажигается, вмѣстѣ съ тоненькой ароматной свѣчкой, которая называется куши.

Во плавъ всѣхъ бурхановъ стоитъ неизбѣжный шапка-муни или, что тоже, будда. Ув подножія этого бурхана шире стоятъ нечовчки маленькія (тыкиши), въ которыхъ свивурится вересь (жодо) или богородская трава. Каждый буряты, при входѣ въ юрту, дѣлаетъ по направленію къ бурханамъ три земныхъ поклона, приложивъ предварительно сложенные ладонями руки ко лбу. И больше въ избѣ ничего нѣтъ. Смердяще пудушающій воздухъ гонитъ васъ изъ избы. Дѣйствительно, сами буряты не любятъ сидѣть въ избѣ, такъ что и зимой больше сидятъ въ юртахъ, чѣмъ въ избѣ, развѣ только въ трескучіе морозы ходятъ туда ночевать. Постоянными обитателями ихъ бываютъ одни только что родившіяся домашнія животныя. Русскаго въ такой избенкѣ вы рѣшительно ничего не увидите. Но благо то, что хоть есть гдѣ согрѣться, отогрѣть заоченѣвшіе члены, а потомъ уже можно пойти и въ юрту. Въ избѣ я никогда не ночую, потому что въ ней можно задохнуться, а всегда въ юртѣ.

Редакторъ, Ректоръ Иркутской Духовной Семинаріи. *А. Яковлевъ*

Печатать дозволяется: Цензоръ, Инспекторъ Иркутской Духовной Семинаріи *Яковъ Стуковъ*